

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена определению понятия «кризис» для характеристики отдельных правовых проявлений и поискам выхода общества из кризисного состояния. Автор доказывает, что научная диагностика кризиса в праве на примере политико-правового опыта начала XX века, осуществленная выдающимися отечественными правоведами сохраняет свою актуальность и для современной России. В результате научно-критического анализа трудов П. А. Сорокина, И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, М. П. Чубинского, И. А. Покровского автором выявлены и сформулированы наиболее устойчивые позиции о сущности кризисных проявлений в праве и путях их преодоления, проецируемые на современную действительность.

Ключевые слова: право, кризис, кризисные проявления в праве, правосознание, правовые ценности, правовая культура, правовое регулирование

Для цитирования: Шатковская Т. В. Научное осмысление кризиса и его проявлений в праве в трудах российских правоведов начала XX века // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 21–29. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-21-29>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

SCIENTIFIC INTERPRETATION OF THE CRISIS AND ITS MANIFESTATIONS IN LAW IN THE WORKS OF RUSSIAN LAWS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Tatiana V. Shatkovskaya

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the definition of the concept of "crisis" to characterize individual legal manifestations and the search for a way out of the crisis for society. The author proves that the scientific diagnosis of the crisis in law on the example of the political and legal experience of the early twentieth century, carried out by prominent domestic legal scholars, remains relevant for modern Russia. As a result of a scientific and critical analysis of the works of P.A. Sorokin, I. A. Ilyin, B. A. Kistyakovsky, P. I. Novgorodtsev, M. P. Chubinsky, I. A. Pokrovsky, the author identified and formulated the most stable positions on the essence of crisis manifestations in law and ways to overcome them, projected onto modern reality.

Keywords: law, crisis, crisis manifestations in law, legal consciousness, legal values, legal culture, legal regulation

For citation: Shatkovskaya T. V. Scientific interpretation of the crisis and its manifestations in law in the works of Russian laws of the beginning of the XX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):21–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-21-29>.

Научная и научно-публицистическая юридическая литература истекшего столетия пестрит многочисленными примерами кризиса современного правосознания, правовой культуры, юриспруденции и даже права. Столь частое и главное продолжительное использование понятия «кризис» для характеристики различных правовых проявлений заставляет задуматься над тем, что есть кризис в действительности, чем он отличается от непрерывного процесса социокультурных изменений жизни, как он влияет на право, и каким должно быть правовое воздействие в периоды кризиса.

Выбор начала XX века в качестве хронологического этапа научного осмысления рассматриваемой проблемы обусловлен тем, что прошлый век стал примером глобальных кризисов, выходящих за пределы национального государства и принимающих мировые масштабы. Революционные катаклизмы этого периода, с одной стороны, обеспечили резкий разрыв с отжившими фактическими общественными отношениями и их юридическими формами. С другой стороны, породили «беспорядочное перепроизводство общественной самодеятельности» [1, с. 10] требовавшее создания нового типа упорядоченности, регулярности и определенности, а значит теоретического осмысления типологических свойств новых общественных отношений, кардинального обновления юридической техники, законодательства и общих положений юридической науки.

Продолжение этой кризисной истории в XXI веке заставляет задуматься о новой тенденции социального развития. Она состоит в том, что изменяется темпоральность жизни глобализированного человечества, объединенного общим мировым экономическим рынком, тесными политическими и культурными, в том числе и правовыми связями, а именно сокращаются периоды стабильности и возрастает угроза учащения и усложнения кризисов.

В связи с теми социальными функциями, которые исторически осуществляются посредством права – обеспечение правопорядка; создание правовых связей, способствующих мирному сосуществованию, организации и взаимодействию людей; упорядочению и укреплению общественных отношений путем систематизации присущих каждому прав и обязанностей – определение кризиса и поиски выхода из кризисного состояния считаем важной задачей юридической науки.

Ответ на эти вопросы позволит не подменять иные объективные процессы, происходящие в обществе, являющиеся самостоятельным предметом юридического познания и правового регулирования, феноменом расстройств социальной жизни, ее тяжелого затруднительного положения. Кроме того, необходимо осознать, что и в динамично изменяющемся мире сохраняется социальная потребность в правовой определенности, в действенных законах должностования, обеспечивающих «постоянный необходимый порядок, который людям надлежит осуществлять в их деятельности» [2, с. 5], организующий общественную жизнь и устанавливающий пределы самостоятельности каждого.

Научно-критическое изучение трудов наших соотечественников – великих правоведов начала XX века, гениальные мысли которых сначала потонули в потоке необузданных человеческих страстей и диких революционных потрясений, а затем были адаптированы под каноны марксистской идеологии в формы утилитарных юридических конструкций, необходимо для ответа на вышеназванные и другие вызовы, стоящие перед юридическим сообществом.

Осмысление опыта первых десятилетий XX в. привело П. А. Сорокина к выводу о том, что кризисом следует признать деструктивный процесс, выражавшийся

в таких противоречивых тенденциях как «нарастающий упадок чувственной культуры» человека и общества, формирование идеалистического социально-культурного строя [3, с. 13]. Борьба этих тенденций сказалась на науке, политике, этике, философии, что придает данному кризису экстраординарный и тотальный характер.

Кризис представляет собой не столько противоречивость отдельных элементов культуры, сколько разрушение большей части ее секторов, интегрированных в единую форму. По мнению П. А. Сорокина, кризис начала XX века заключался в «распаде основополагающих форм западной культуры», включая право, существовавших последние четыре столетия истории западноевропейской цивилизации. Экстраординарный характер кризиса придавал ему цивилизационный масштаб и давал основания включать в число великих поворотных моментов в трех тысячелетней истории греко-римской и западной культуры [3, с. 19, 20].

Разрушение фундаментальных основ чувственной (сенсорной) западноевропейской культуры, с точки зрения П. А. Сорокина не могло не отразиться на праве. Кризисные проявления в праве ему видятся в девальвации правовых норм, их рационализации и использовании с утилитарными целями, в качестве речевых средств прикрытия и осуществления в этой «дымовой завесе» эгоистических материальных интересов и ценностей господствующего класса, а также контроля, подавления и угнетения элитой подчиненных классов [3, с. 108]. Потеря морального престижа юридических норм снизила их регулятивную и контролирующую силу и действенность. Все это обернулось усилением репрессивной составляющей современного права, выражающейся в формуле «сила и есть право» [3, с. 109].

Сорокин напоминает о том, что кризис не относится к явлениям случайного порядка. Он становится разрушительным итогом вытеснения утилитарными юридическими ценностями нравственности, моральной деградации человека и как следствие утраты правом святости и престижа. Такой негативно-накопительный эффект ученый связывает с релятивизмом, эгоизмом и беспредельностью чувственных ценностей, выраженных в юридических нормах и обостряющих борьбу между группами и индивидами.

Отсутствие у чувственного права абсолютного судьи приводит к тому, что единственным средством предотвращения такой борьбы становится сила [3, с. 111]. Как полагает П. А. Сорокин, без объективного и универсального критерия разрешения конфликтных ситуаций чувственная система права обречена на разрушение. Рекомендация мыслителя о том, что законодателям в этой связи необходимо «вновь «изобрести» Бога», нашла отражение в Российской Конституции в качестве поправки в ч. 2 ст. 67.1, в которой элементом исторически сложившегося государственного единства названа и вера в Бога. Однако ученый предостерегает от того, чтобы закрепление «идеациональных» норм в законе не стало «искусственной мифологемой», понимание их фиктивности нанесет еще больший урон праву [3, с. 111].

Как справедливо отмечал П. А. Сорокин, правильная диагностика кризиса позволяет выработать эффективные средства для его лечения. В противном случае принимаемые меры в лучшем случае бесполезны, а нередко влекут губительные последствия, препятствующие поиску новых форм социально-культурной интеграции и раскрытию созидательного потенциала общества. Так, он считает, что экстраординарный характер современного перелома требует не частичных экономических, юридических, политических мер, а коренного преобразования ментальности, переориентации системы ценности, поведения в отношении других людей и реального мира в целом [3, с. 218].

Утрата веры в безграничные возможности и непреложность рационального познания, которая основывалась на успехах естественных и технических наук XIX века, обернулась обесцениваем разумной истины, устойчивых, постоянных и неизменных принципов научного познания. Как полагал Б.А. Кистяковский, научный кризис наиболее ярко проявился в области социально-научного знания [4, с. 14]. Причина тому кроется в «полной неуверенности» в достоверности, объективности, устойчивости, доказуемости социально-научных истин, а также в неудовлетворенности результатами, добываемыми гуманитариями.

Определяя данный кризис как гносеологический, Б.А. Кистяковский выявляет две его основные причины: методологическая необособленность социальных наук от философии и сведение социальных явлений к психологическим процессам, что препятствует выявлению «материально-субстанциальных элементов» социальных наук, придающих им устойчивость, беспристрастность. Для устранения источника научного кризиса Б.А. Кистяковский считает необходимым выявить логическую и методологическую природу социальных наук, опираясь на добытые теоретические знания, подвергнутые строгой научно критике. Последняя состоит в изучении приемов мышления, используемых при теоретических построениях научных понятий, объяснении причинности и закономерности социальных явлений, определении роли норм в социальной жизни и значений формулируемых целей сознательного воздействия на социальные процессы [4, с. 27].

Такая научная обработка, по мнению Б.А. Кистяковского, проходит три основные стадии. Первоначально необходимо выявить сходные черты отдельных социальных явлений для их систематизации с целью определения общих понятий. Затем устанавливаются соотношения, объясняющие необходимое при возникновении и исчезновении тех или иных социальных явлений. И в завершении определяется роль сознательного воздействия человека на социальные процессы, которое, по Б.А. Кистяковскому, лучше всего проявляется в разработке норм, регулирующих общественную жизнь в «должном» направлении. Установление общего, необходимого и должного в социальных процессах с помощью логических и методологических приемов социальных наук приведет, по мнению ученого, к научной объективности доставляемых знаний и выведению социальных наук из кризиса [4, с. 28, 29].

Девальвацию правовых ценностей профессор М. П. Чубинский считает гораздо более губительным последствием кризиса начала XX века, чем разорение хозяйственной системы. Так, состояние российского права первого десятилетия советской власти он называет «правовой разрухой» [5, с. 4, 5]. Утрата веры в идеалы и духовные ценности привела к принципиальному правовому нигилизму, который покушался на правовой минимум русского народа. Он связывает этот кризис с многовековым недоверием народа к закону в силу его несправедливого характера, с низким уровнем правосознания российской интеллигенции и революционными потрясениями начала XX века.

В конечном счете, необходимость устойчивого правопорядка осознают даже марксисты. Однако интенсивное стремление поднять авторитет советского права, по мнению М. П. Чубинского, не привело к появлению твердых и последовательных законов, так как в них не только не закреплялись, а напротив разрушались общепризнанные правовые начала юридического равенства всех перед законом, социальной справедливости, свободы и гарантий прав личности, беспристрастности суда [5, с. 22, 23]. Вместо них советская власть ориентировала

общество на классовую борьбу, уничтожение инакомыслящих, жесткую дисциплину и подчинение партийным решениям.

В итоге, как пишет М. П. Чубинский, помимо произвола, связанного с несоблюдением законов, утративших социальную значимость, в том числе и в силу профессиональной недостаточности (пробельность, коллизийность, декларативность, необязательность), возникает произвол правоприменителя, обладающего революционным правосознанием и наделенного широким усмотрением вплоть до возможности свести на нет силу закона [5, с. 24]. Исчезновение понятия «гражданин» и разделение россиян по классовому признаку фактически легализовало коллективный произвол (взятие заложников и расправа над ними, террор, конфискации, контрибуции и пр.), не ограниченный правом распоряжаться жизнью и имуществом «не наших». Размытость понимания последнего не давало гарантий безопасности никому [5, с. 26].

Пути возрождения российских правовых начал М. П. Чубинскому виделись в правовом обучении как школьников, так и широких народных масс с целью формирования чувства долга перед Родиной, ближними и понимания важности гражданского единения и социальной солидарности. К этому процессу профессор предлагает подключить литературу, средства массовой информации, действующие на основе свободы слова. По мнению М. П. Чубинского, все должны выучить урок советского опыта, который наглядно показал, что вне правовых гарантий и рамок правового государства можно прийти только к развалу и невозможно осуществить высоких социальных идеалов [5, с. 38].

Возрождение правового творчества ученый видит и в росте общественной самодеятельности, а также всего того, что противно классовой борьбе и вражде, активно осуществляет идею концентрации сил, единения и социальной солидарности, развития правовой и политической ответственности вольных и сознательных граждан [5, с. 39, 40]. Организация власти в возрожденной России, с точки зрения М.П. Чубинский должна основываться на идее свободы и права, предоставления народам, входящим в состав государства в вопросах, не затрагивающих общегосударственных интересов, права принимать самостоятельные решения «без давления всеопекающего центра» [5, с. 41].

Свидетельством девальвации чувственной правовой культуры для И. А. Покровского является постоянное стремление к процветанию хозяйственной жизни, фактически выражающееся в разбухании хозяйственного аппарата, росте предприятий и превращении личности в экономического человека. В погоне за этим процветанием экономический человек не щадит себя, затрачивает до крайности свою рабочую энергию, отдает на жертву «Молоху работы» все потребности «духа и сердца». «Достоинства и добродетели перестали быть свойством живого человека», а стали принципами ведения предпринимательской деятельности [6, с. 134]. Участники производственного процесса связаны ремнями этой машины, которая диктует им свои законы. В итоге экономический «человек перестает быть хозяином своих целей» [6, с. 316], что ведет социокультурную систему к идейному кризису.

Покровский выводит «этическую максиму» необходимую для решения первоочередных задач выхода из кризиса – «чем меньше будет почвы для подлинных, неотъемлемых прав человеческой личности, тем слабее будет сопротивление при переходе к новой системе и, наоборот: чем настойчивее будет проводиться мысль о человеке как простом средстве для интересов целого, тем сопротивление будет сильнее» [6, с. 317]. На этом основании он пытается вывести общий

принцип правового порядка – принцип разложения вреда или обязательного страхования, развернутого «во всю ширь его потенциального содержания» [6, с. 321]. Данный правопорядок, основанный на общественной солидарности, должен гарантировать каждому субъективное публичное право на существование.

Выстраивание системы права на вышеперечисленных основаниях, по мнению И. А. Покровского, делает ее более устойчивой, так как позволит перейти от «конкретной справедливости» к более правильной «общей справедливости», что придаст прочности и экономической системе. Ученый отдает отчет в том, что гарантированность права на существование не является идеалом человеческого благополучия, но обеспечивает реализацию обществом минимума этических требований, создающих нравственную поддержку для выхода из кризиса с сохранением «частно-правовой сферы народного хозяйства» [6, с. 323].

Как кризисное состояние российского права начала XX века оценивал и П. И. Новгородцев. Его видение причин кризиса выражалось в утрате правом ореола «созидательного начала общественной жизни» и «всеисцеляющего средства» достижения высшей цели всемирной истории [7, с. 12]. Такой кризис идей правовед называет «кризисом правосознания», означавшим полную или частичную утрату веры в старые идеалы и понятия. Данный период П.И. Новгородцев называет временем «исканий и сомнений», сопровождающихся напряженными творческими исканиями. Последние в свою очередь завершаются либо полным развенчанием политико-правовых понятий, что требует преобразований самих основ общественной жизни, или обновлением старых юридических понятий для укрепления основ гражданского строя.

Именно ко второму выводу приводит П. И. Новгородцева анализ западноевропейского юридического опыта XIX века. Его диагноз таков – право не следует рассматривать в качестве единственного исключительного средства общественно-преобразования, но это не служит поводом к отрицанию значения права [8, с. 15]. Право «по отношению к полноте нравственных требований» только «недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал» [8, с. 16].

Такой неутешительный вывод не означает, что правовые основы невозможно усовершенствовать, можно и должно для решения «великих социальных проблем» века, считает П.И. Новгородцев. Для этого он полагает необходимым обеспечить право на достойное человеческое существование, то есть отрицание условий, исключающих обеспечение необходимых потребностей человека. И в этом его поддерживает и профессор И. А. Покровский, который считал право на существование, если не средством социального преобразования, то «основной чертой всякого сколько-нибудь развитого общества» [7, с. 33].

В качестве важнейшей проблемы правоведения оба ученых называют поиск наилучшего устройства общества свободной деятельностью людей. При этом они не вели и речи о безмятежной гармонии всеобщего согласия, понимая утопичность этой идеи. Для П. И. Новгородцева очевидны пределы влияния политических организаций и их вождей на общественное мнение, крушение простых и гармоничных схем, созданных «пламенным воображением оптимистического века» для решения социальных проблем [8, с. 392].

На пределы правовых предписаний государства, могущих «убить всякую свободную жизнь, всякое неестественное проявление и творческую инициативу людей» обращал внимание И. А. Ильин [2, с. 41]. По мнению ученого, право должно указывать человеку внешние пределы его деятельности, содействовать осознанию его прав и обязанностей, но не предписывать жизненные детали.

Действительно, как бы ни парадоксально звучала эта мысль сейчас в условиях тотальной «заорганизованности» общественных отношений несколькими сотнями тысяч нормативно-правовых предписаний, чем большую область охватывает правопорядок, тем меньше сфера частных интересов, а значит, свободы самодеятельности и личной инициативы остается человеку. Право предназначено укрепить правосознание человека, но не отучить его от самодеятельности.

Таким образом, кризис «перепроизводства» властных юридический велений негативно сказывается как на выполнении государственных функций в связи с тем, что «разбухает» аппарат правоприменителей, так и на состоянии правосознания субъектов права. Ни одно разумное существо не в состоянии осознать такое количество прав и обязанностей, полномочий, обязываний и запретов. В итоге возникает естественная реакция отторжения и неприятия массива юридических норм, исходящих от государства, то есть нарушается «чувство законности», о котором писал Г. Ф. Шершеневич как о психическом условии обеспечения правопорядка [9, с. 702]. Об этом следует помнить отраслевым юристам, рассматривающим принятие новых законов в качестве регуляторной панацеи.

Более ста лет тому назад П. И. Новгородцев сообщил юристам о том, что «старое и безмятежное спокойствие юриспруденции» «миновало бесследно». Она вступила в эпоху самых глубоких сомнений и самых смелых нововведений. В этой связи задачей юридической науки в условиях кризиса профессор Н. М. Тоцкий называл, «познание и переработку нарастающей ткани жизни». Он полагал, что следует отказаться от «готовой истины», догматизма, «мертвящей схоластики», «прокрустова ложа формальной логики», готовых трафаретов и перейти к непосредственному исследованию, наблюдению, изучению, исканиям и творческой обработке происходящих жизненных изменений [1, с. 11]. Однако новые вопросы и сомнения должны решаться не в угоду политическим стремлениям, а на твердых основаниях действующего права.

Этому, по мнению Н. М. Тоцкого, и служит научная обработка права, которая состоит в выявлении юридических элементов и правовой сущности новых явлений и усложняющихся отношений в общественной жизни, синтезе правовых принципов, абстрагировании общих правовых понятий, приведении их в связь с другими понятиями путем научно-критического переосмысления. Так, применением юридического метода, правоведение дает знание действующего права для его практического применения [1, с. 72].

Проведенное исследование позволяет в порядке научной дискуссии сформулировать наиболее устойчивые позиции о сущности кризисных проявлений в праве и путях их преодоления, которые, как представляется, полностью проецируются на современную действительность.

Во-первых, главным источником кризиса современного права российские мыслители и правоведы начала XX века считают исчерпание когнитивных возможностей как идеалистической, так и позитивистской парадигм правового мышления, которое приводит к низведению права до формально-логических схем и правил, устанавливаемых на утилитарных, а не разумных началах и утрачивающих собственно правовое содержание.

Таким образом, познавательный кризис негативно отражается на состоянии научного знания (упрощенчество, спекуляризм, релятивизм) и оборачивается попранием личности, ее подлинной сущности и нематериальной ценности, низведении человека до роли биологического организма, функции, объекта государ-

ственного воздействия и средства достижения целей государственного развития. Кризисные проявления в праве начинаются с полного игнорирования начала человечности и идеи высокой ценности чужой жизни, что в свою очередь приводит к индивидуальной и социальной недисциплинированности людей.

Во-вторых, разрушительные кризисы начала и конца XX века, уничтожив отмирающие государственные и правовые институты, многие из которых прекратили бы свое существование и без указанных революционных потрясений вместе с тем подтвердили твердость отдельных жизненно-ценных правил общественной деятельности. В частности, опыт России истекшего века показал, что юридические нормы и конструкции, игнорирующие морально-нравственные идеалы и «очищенные» от абсолютных, неподверженных релятивизму, ценностей остаются фикцией [10, с. 18–20]. Реализация таких правил возможна только силой принуждения.

Вместе с тем действенность права напрямую связана с признанием «самоценности» человека как обладателя разума и мышления, сознания и совести. Поэтому оказались несломленными под давлением политической воли руководителей советского государства такие социально-значимые правовые институты как понятие личности, институт семьи, прав и свобод человека, правосудия; общеправовые принципы законности, справедливости, формально-юридического равенства перед законом, виновной ответственности, а также материальные и нематериальные средства и способы выражения правовой культуры. Данные ценности останутся связующим звеном для создания упорядоченного бытия, наполненного новыми смыслами. Эти смыслы, выраженные в нормах, станут основой нового нравственного и правового порядка. Однако интегрирующие возможности сохраняющихся правовых основ социокультурной системы зависят от масштаба ущерба, который был им нанесен кризисом и уровня их девальвации в сознании людей как абсолютной ценности.

В-третьих, кризис – это и своего рода катарсис, то есть очищение социокультурной системы, в том числе и системы права от деструктивных элементов, разрушающих ее жизнеспособность. Однако выявление созидательной составляющей, не исключает разрушительности кризиса, что актуализирует творческий поиск в направлении определения бесспорных оснований прошлого, которые могут стать социальной основой возрождения, дальнейшего развития права и получить объективное определение в нормах права. Практические меры выхода из кризиса не могут нарушать правовых начал, неотъемлемых прав и свобод человека. В противном случае обеспеченный порядок будет иметь временный характер, основываться исключительно на принуждении и сдерживать творческую самодеятельность людей. Поэтому антикризисные меры должны носить разумный системный характер, базироваться на этическом минимуме и находиться в правовых пределах.

В-четвертых, необходимо установить пределы позитивного правового регулирования, с одной стороны, обеспечивающие национальную безопасность, укрепление основ конституционного строя, гарантии правопорядка, с другой стороны, высвобождающие и стимулирующие созидательные возможности и силы общества, творческий потенциал каждого для поиска новых жизнеспособных социально-культурных, в том числе правовых моделей интеграции людей. Устойчивость правопорядка обеспечивается не силой властных органов его поддерживающих, а развитым правосознанием ответственных, самостоятельных и дисциплинированных граждан, доверием и авторитетным признанием связывающих их юридических норм.

Список источников

1. Тоцкий Н. М. Право и революция // Право и Жизнь. М., 1922. Книга 1 (Июнь).
2. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
3. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.
4. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. 707 с.
5. Чубинский М. П. Кризис права и морали и пути возрождения России. Ростов-на-Дону, 1919. 42 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.
7. Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-философские этюды / П.И. Новгородцева, проф. Московского университета и И. А. Покровского, проф. С.-Петербургского университета. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1911. – [4], 48 с.
8. Новгородцев П. И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. – М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – XII, 395 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права. М.: Статут, 2016.
10. Шатковская Т.В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов Российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 15–20.

References

1. Totskiy N. M Law and revolution. In: *Law and Life*. Moscow; 1922. Book 1 (June). (In Russ.)
2. Ilyin I. A. *On the essence of legal awareness*. Moscow: "Rarog"; 1993. 235 p. (In Russ.)
3. Sorokin P. A. *The crisis of our time. Russia and the United States*. Syktyvkar: "Anbur"; 2018. (In Russ.)
4. Kistyakovsky B. A. *Social sciences and law. Essays on the methodology of the social sciences and the general theory of law*. Moscow; 1916. (In Russ.)
5. Chubinsky M. P. *The crisis of law and morality and the ways of Russias revival*. Rostov-on-Don; 1919. (In Russ.)
6. Pokrovsky I. A *Basic problems of civil law*. Petrograd; 1917. (In Russ.)
7. Novgorodtsev P. I. *On the right to exist: Socio-philosophical studies*. St. Petersburg; 1911. 48 p. (In Russ.)
8. Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. II: The crisis of modern legal consciousness / [Composition] P. Novgorodtseva*. Moscow; 1909. – XII.395 p. (In Russ.)
9. Shershenevich G. F. *Selected works: In 6 volumes, Vol. 4, including the General Theory of Law*. Moscow: Statut; 2016. (In Russ.)
10. Shatkovskaya T.V. Experience of reconstruction of the legal traditions of the Russian people on the basis of the acts of the Russian state of the period of the empire. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2013;(4):15–20. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Head of the Department of Theory and History of Law and State; Professor, Department of Civil Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021; одобрена после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 26.07.2021.
The article was submitted 03.07.2021; approved after reviewing 22.07.2021; accepted for publication 26.07.2021.